

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 444

4 DECEMBRE 1953

Les Nouvelles Russes

ВЫХОДИТ ПО ПЯТНИЦАМ

9-й ГОД ИЗДАНИЯ

НАУТИМЕ АННА

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

В недавно полученной в Париже книге В. Ермилова о А. П. Чехове приведены мало известные сведения об отношении «певца русских сумерок» к делу Дрейфуса.

Чехов пристально следил за ходом событий, внимательно изучил стенографический отчет первого судебного процесса и пришел к убеждению о невинности Дрейфуса. Мужественное выступление Эмиля Золя привело А. П. в восторг. «Золя вырос на целых три аршина», — писал Чехов из Ниццы; «От его протестующих писем точно ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому встать».

Русские реакционные газеты, и — в их числе суворинское «Новое Время» — подняли бешеную травлю не только Дрейфуса, но и Золя. Чехов, не задумываясь пошел на личный разрыв с Сувориным. В одном из писем к издателю «Нового Времени», надеваясь над силетями о «еврейских деньгах», Чехов писал: «Золя — благородная душа, и я (принадлежащий к синдикату и получивший уже от евреев 100 франков), в восторге от его порыва».

Приведем красноречивый отрывок из письма А. П. к брату, Александру Павловичу:

«...Приводимые в «Новом Времени» телеграммы из Парижа нельзя читать без омерзения: это не телеграммы, а чистейший подлог и мошенничество!... Это не газета, а зверинец; это — стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов, это чорт знает что!...»

Разрыв со стариком Сувориным готовился уже давно, и А. П. ясно пришел к мысли, что нельзя отделять Суворина — издателя от Суворина — человека. В одном из последних писем к Суворину, по поводу судебного процесса Золя, А. П. писал: «Какой бы ни был приговор, Золя все-таки будет испытывать живую радость после суда: старость его будет хорошей старостью, и умрет он в покое или, по крайней мере, облегченной совестью».

Намек на старость и беспокойную совесть самого Суворина был достаточно понятен.

▲

В одном из последних номеров «Фигаро Литтэрей» (номер 396) помещена статья Игоря Стравинского под заглавием: «Le Diaghilev que j'ai connu».

В конце блестящей характеристики Дягилева помещены некоторые факты из его жизни, которые остались мало известными широкой публике. По словам Стравинского, «у С. П. был легендарный и часто доходящий до смешного страх микробов и эпидемических заболеваний». Автор статьи рассказывает, между про-

чим, что в начале нашего века, когда в Петербурге было еще мало автомобилей и приходилось пользоваться извозчиками, Дягилев обязательно нанимал карету и всегда с особой тщательностью закрывал наглухо ее дверцы.

Приведем некоторые пояснения к этой непонятной на первый взгляд «инициативе» Дягилева, пользуясь любезным рассказом большого друга покойного С. П. — художника М. Ф. Ларионова.

С. П. рассказывал сам, как появилась у него эта непреодолимая боязнь лошадей. Будучи еще учеником Пермской гимназии и возвращаясь однажды после уроков домой, он проходил мимо бесконечного забора какого-то городского пустыря. Внезапно раздался три выстрела, потом, через минуту, еще один. Что случилось? Нападение? Убийство? Может быть, расстрел? Но никаких криков о помощи не было слышно; в городе было все спокойно: никаких преступлений и покушений не было. У маленького гимназиста появилось непреодолимое желание влезть на забор и посмотреть, что же происходит на пустыре.

Неожиданно в одной из калиток появилась группа кавалерийских офицеров, в сопровождении ветеринара и военного доктора: последний был хорошим знакомым семьи Дягилевых. Сергей расхрабрился и обратился к доктору с вопросом о причинах стрельбы. Доктор сообщил, что пришлось пристрелить заболевшего сапом коня одного из эскадронов, т. е. выделения животного представляли смертельную опасность для конюхов и солдат (в то время сап считался неизлечимым). К большому удивлению доктора, Сергей побледнел, стал пятиться назад и исчез за поворотом, даже забыв попрощаться. Этот детский испуг остался на всю жизнь, вроде психологического «пюка». Так же, как в Петербурге, было и в Париже, и в других городах: садясь в фиакр, Дягилев всегда обходил карету саади, чтобы быть подальше от лошади.

Боязнь микробов заставляла его никогда не выходить на улицу без перчаток. Здороваясь со знакомыми, даже с дамами, он никогда их не снимал, что удивляло и даже коробило многих, которые рассматривали этот жест, как знак пренебрежения.

В. К.